Об Алексее, человеке Божием (2)

Що во славном городе было во Риме,
При дяре было при Онофрие,
При цярице было при Апраксие,
Жыв-быв князь Ефимьяне
С супружною своёю княгинёй.
Не было у их единова цядя,
Не было ни сына, ни доцьки;
Тут оне Господу Богу возмолились,
Молились усердно, со слезами:
«Услыши, Господи, нашо моленьё,
Создай нам, Господи, дяда,
Создай нам сына либо доцькю,
При младости лет на потешку,
При старости лет на пропитанье,
При смертном конце на помин души».
Услышав их Господи моленьё:
Создав им Господи сына,
Нарекли ему имя Олексиём.
Олексий рос не по годам, а по цясами,
Став жо Олексий уж семи лет,
Здумав ево батюшко в грамоте уцити,
Приневолила его родная мати.
Скоро Олексию грамота даласё,
Скоро Олексий писать науцивсё.
Став Олексий уж семнатцети лет,
Здумав его батюшко женити,
Приневолила его родная мати.
Женитцо Олексию не хотелось,
Женили его по неволе.
Засылали жо свата ко нивесте,
Высватав сват ему нивесту,
Ко Божией ко церкве привозили,
На единой подножник становили
И златыми перс(т)нями обруцили,
И златы винци надевали,

И в княжески палаты отвозили,
За белодубовы столы посадили,
Питья медвяны становили,
Яства сахарны заносили.
Що сидит Олексий невесёлой,
Он не пьет жо питья медвяна,
Не вкушает он яства сахарна.
Княжески столы отходили,
На подклет молодых отводили,
На кровать их спать положили.
Вот уж первой цяс на десять ноди,
Став Олексий с подклету подыматцо,
Став совсем из палат выбиратцо,
Подаёт молодой жене пояс
И с правой руки златой перстень:
«На-тко тебе, жена молодая,
С моёй правой руки перстень
И мой тебе шовковой пояс;
Ковда перстень этот роспаеетцо,
Ковда пояс этот росплетётцо,
Ты товда меня увидишь*.
Став он своё цветно платьё продавати,
Золоту казну по нищым роздавати
И надев на ся серую серьмягу,
И пошов он ко синёму морю;
Он и сев жо на легкую шлюпку,
И ехав он три дни, три ноди,
Подъежжаёт он к матушке пустыне,
Возмоливсё он ей со слезами:
«Уж ты, свет моя мати-пустыня,
Ты пусти меня помолитцо,
За младыё лета потрудитцо*.
Отвидяла ему мати-пустыня:
«Повно, Олексий, ты молод Господу молитцё,
У меня тебе не цярская трапеза,
У меня тебе не питья медвяны
И не яства тебе сахарны,
Що на место тебе питей медвяных —
Одна болотная вод идя,

Що на место тебе яства сахарна —
Одно быльё да кореньё».
Олексий со слезами отвицеёт:
«Мне даром вся царская трапеза,
Стану быльём, кореньём питатцё
И болотной водой наслаждатцё,
Только прими меня, мати-пустыня!*
Он и жив жо в ей тритцеть три года,
Стала говорить ему мати-пустыня:
«Повно, Одексий, отця, матерь прогневляти,
Молоду жену со слёз надсажати».
Тут взмоливсё Олексий со слезами:
«Уж ты, свет — моя мати-пустыня,
Пресвятая ты Мать Богородиця!
Дай ты мне русыё волосы по плеця,
Дай ты мне бороду до пупа!»
Дала ему мати-пустыня
Русые волосы по плеця и бороду до пупа;
И пошов жо он ко синему морю,
И сев он на лёгкую шлюпку,
И ехав он по синему морю
Три цяса и три минуты,
Подъежжаёт он к городу Риму,
И приходив он ко Божией ко церкви,
И становивсё жо он на паперте.
Що выходит народ от обедни,
Тут идёт жо и князь Ефимьяне,
Поклонивсё Олексий со слезами:
«Уж ты, свет жо, князь Ефимьяне,
Создай милостину мне святую
Ты ради сына своего Олексия».
Тут и князь Ефямьян остановивсё
И горес(т)но прослезивсё:
«Уж ты как моего сына знаёшь
И именем его называёшь?» —
«Уж как мне не знать твоего сына Олексия,
В одном месте с ним в грамоте уцились,
С одного плеця платье носили.
Уж ты, свет жо — князь Ефимьяне!

Ты сострой жо мне килейку нову
Ты на место своего сына Олексия
У себя ты перед переходом».
Князь пришов жо домой, прослезивсё
И виденью тому подививсё,
Он велел жо склас(т)ь килейку нову
У себя перед переходом,
И жыв жо Олексий тут довгоё время,
Посылал жо князь Олексию пропитаньё
Со своей он цярской трапезы,
Слуги ему пищы не носили,
Цярскиё воли не творили,
С цярскиё трапезы посуду мыли,
На Олексиеву келью выливали,
И на то Олексий не сердивсё.
Узнав жо Олексий себе скорой цяс смерти,
Призывав жо к себе он килейника:
«Килейник ты мой, да килейник,
Подай ты мне лис(т) бумаги,
Перо ты мне и дернила!»
Исповнив килейник его прошенье,
Он и став жо писать своё рукописаньё.
Как списав же он своё рукописаньё,
И пришов к ему цяс смерти,
И пошов по городу запах,
Понесло всё ладаном-темьяном.
По городу мовва рознесласё:
Где-то открылись жо мощы святыё.
Пошов жо по городу розыск,
И нашли близь цярскё палаты,
У его под переходом.
Многиё в килью входили
И у его рукописаньё просили,
Никому рука не отверзалась.
Що пришов жо князь Ефимьяне,
И возмоливсё он со слезами:
«Уж вы, мощы, вы мощы святые!
Пожалуйте мне рукописаньё!»
Тут рука жо князю отверзалась,

Он и взяв жо к себе рукописаньё,
Он и став жо его цитати,
Он и признав жо своего сына Олексия,
Он упав перед ним на колини:
«Уж ты, свет, мое цядо милое,
Уж ты для цево мне во плоти не сказавсё,
Я состроив бы белокаменны палаты».
Услышала его мати родная,
Упала перед им со слезами:
«Уж ты, свет, ты, дитятко родное,
Уж ты для цево мне во плоти не сказавсё,
Я пошла бы с тобой Богу молитцё».
Услышала его жена молодая,
Погледела она на приметы:
Его шовковой пояс росплёвсё,
Золото кольцё роспаялось,
Пришла она со слезами,
В горесте она повалилась:
«Уж ты, свет, моя Лада милая,
Уж ты для цево мне товда не сказавсё,
Я пошла бы с тобой Господу молитцё,
За младые лета потрудитцё».
Выносили жо мощы из пещеры,
Що несли жо ко Божией ко церкви,
Ровно три дни несли и три нощи,
По сторонам злато, серебро кидали,
Що нихто на то не бросавсё,
Все бросались за святым(и) за мощами.

Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии, Кадниковского уезда, с. Замоша: Этнографический материал собран в 1857 году // Живая старина. — 1903. — Вып. 3.